

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

**Дмитрий Дьяченко и Владислав Чапланов
у памятника на Холмском перевале. 3.09.1998 г.**

★ ВСТРЕЧИ ★

Утром 3 сентября 1998 года мы выехали из областного центра в направлении Холмска. За рулем своих «Жигулей» был Дмитрий Лаврентьевич Дьяченко, о котором я многое узнал задолго до нашего личного знакомства.

Во второй половине шестидесятых годов был объявлен Всесоюзный поход пионеров и школьников по местам боевой славы. Развернулось патриотическое движение небывалых масштабов. Фронтовики понесли в школьные музеи все, что у них было: письма, фотографии, газетные вырезки, оденские книжки и даже сами ордена. Копировальной техники тогда не было, подлинники документов клали в альбомы, сдерживали небрежно, и со временем раритеты школьных музеев погибли безвозвратно.

Движение не обошло и Пятиреченскую восьмилетку, где я работал учителем истории. Короткая августовская война оставила в поселке три воинских захоронения, расположенных в разных местах. Со смелостью, присущей дилетантам, мы стали изучать историю боев на Сахалине, десантной операции в Маока (Холмск), но прошли годы, прежде чем мы что-то узнали. Работу юных историков оценили в городе, однажды к нам приехал холмский военком, дал нагоняй председателю Чаплановского сельского совета, директору совхоза, пристыдил нас, учителей, и через два дня куча строительного мусора перед школой была убрана, площадка аккуратно спланирована. Фронтовики раскопали захоронения, извлекли останки, переложили их в гробы, обитые кумачом. Военком вызвал воинскую команду, духовой оркестр, школа вышла со знаменами, собрались рабочие совхоза, жители. Прозвучала команда, и траурная процессия двинулась к месту нового захоронения - к школе. Торжественная печаль мелодии будила давнюю боль в душе каждого человека - люди оплакивали своих товарищ, отцов, братьев, захороненных невесть где.

В тот год мы посадили в память о погибших первые деревья, а позже декады леса стали нашей жизненной потребностью. Мы полагали, что это лучшая мера воспитания, ибо ребенок, посадив дерево, будет беречь его.

В 1975 году, к тридцатилетию Победы, над братской могилой установили новый памятник. К тому времени мы завели обширную переписку с бывшими солдатами и офицерами 113-й отдельной стрелковой бригады, которая за успешную десантную операцию получила почетное наименование «Сахалинская». Живо откликнулся командир батареи истребительного противотанкового дивизиона подполковник в отставке Илларион Стефанович Тадеуш. Он рассказал о гибели своих артиллеристов - Евгения Чапланова, Николая Соснина, Владимира Аистова, Николая Русакова, юного Коли Андросова, о ранении и контузии водителя тягача Дмитрия Дьяченко.

Важным событием для нас стал приезд в школу подполковника в отставке Михаила Мироновича Тетюшкина. Война оказалась щедрой к нему и на раны, и на ордена. Первый раз его достал японец тесаком на озере Хасан; вторично - осколком, когда он, командуя отдельным лыжным батальоном, гнал немца от Москвы; в третий раз стегнула пуля во время тяжелых боев под Вязьмой. Там наши поливали кровью рыхлые мартовские снега, с трудом отбивая у врага два-три километра в сутки. Всеною сорок четвертого его отозвали в Москву и зачислили слушателем годичных курсов Академии им. Фрунзе. Грудь его украшали ордена Красного Знамени, Красной Звезды и особо почитаемый в офицерской среде орден Александра Невского.

В апреле 1945 года подполковника Тетюшкина направили на должность заместителя команда 113-й отдельной стрелковой бригады по строевой части. Бригада дислоцировалась в Приморье. Он оказался единственным офицером, имевшим боевой опыт. Этот опыт, внедряясь грамотно и настойчиво, выручил в бою не одного команда и солдата.

В сентябре 1968 года, после встречи с жителями Пятиречья, Михаил Миронович остался ночевать в моей скромной учительской квартире. Мы поговорили о минув-

шей войне часов до трех. В своих письмах, в выступлении перед жителями, в ночном разговоре он отмечал тяжесть солдатского труда, их героизм, в том числе артиллеристов капитана Тадеуша.

И вот через много лет мы с Дмитрием Лаврентьевичем въезжаем на школьный двор. Я с радостью оглядываюсь. Многое прошло бесследно, а деревья растут! Где бы ни были наши выпускники, как бы ни сложились их судьбы, верится, что им памятны дни своего ученичества, когда они прикоснулись к великим событиям и оставили зримые плоды своих трудов - деревья, сомкнувшиеся кроны над братской могилой.

Школьный двор переполнен знакомыми лицами. Приехали ветераны из Чапланова, солдаты и офицеры из соседней войсковой части, собирались жители Пятиречья. Звучит музыка давней поры. Я представляю землякам Дмитрия Лаврентьевича. К нему подходит седой мужчина, подает руку.

- Владислав Чапланов.

- Женькин брат!

**Младший сержант Евгений Чапланов,
наводчик противотанкового орудия**

Они обнялись, наперебой заговорили о былом.

Нас приглашают к памятнику. Выстраиваются лицом к лицу ветераны и дети. В такой день звучит задушевное слово о солдатской дружбе, фронтовом братстве.

Военная судьба свела Евгения Чапланова и Дмитрия Дьяченко в отдельном истребительном противотанковом дивизионе майора Дорофеева, в первой батарее капитана Тадеуша, первом взводе лейтенанта Точилкина. Дмитрий был водителем тягача, Евгений - наводчиком 45-миллиметрового орудия. Первая батарея отличалась высокой выучкой, крепкой дисциплиной. Капитан Тадеуш стремился, чтобы бойцов сплачивали не только уставы, но и человеческие отношения - дружба, взаимовыручка, доброта.

На Холмский перевал мы приехали во второй половине дня, когда митинг у братской могилы уже прошел. На постаменте памятника лежали венки и живые цветы.

- Всякий раз, приезжая сюда, я спотыкаюсь на каждом шагу, будто ищу что-то и не могу найти, - говорит Дмитрий Лаврентьевич. - Это был наш первый бой, и я помню все детали высадки десанта, взятия города, первую тревожную ночь на островной земле. Двадцать первого августа мы надолго застряли на узкой дороге.

- А ведь двадцать первого я был в Маока! - живо откликается Владислав Анатольевич. - Наш транспорт ошвартовался у пирса. Если бы знал, разыскал бы брата, чтобы повидаться после трехлетней разлуки.

Владислав Чапланов больше десяти лет прописан в селе Чапланово, но живет не славой брата. У него своя военная юность. В сорок третьем владивостокский подросток стал юнгой, ходил в США, Канаду, Исландию в составе конвоев, доставлявших стратегические грузы. Транспортные караваны ходили в северных широтах, где подвергались жестокой штурмовой трепке, торпедным атакам фашистских подводных лодок, налетам авиации. В такой обстановке юнга стал матросом.

★ ПО ТУ СТОРОНУ ★

А что происходило за незримой линией, разделявшей враждующие войска? Там ведь тоже были свои герои и сздания.

Из университетской библиотеки города Саппоро пришли книги, в которых августовские события описаны побежденными. Материалы из них даны в переводе Александра Фетисова.

Однако прежде совершим небольшой экскурс в историю. Нас ожидает удивительное открытие: за короткий период с 1904 по 1945 год между Россией, а затем СССР и Японией пять раз вспыхивали и разгорались ожесточенные военные столкновения. Ни с одним из самых заключенных врагов мы столько не воевали всего за сорок один год! Столкновения эти происходили за пределами Японских островов, ни один наш снаряд не упал на города и села этой древней земли. А на нашей территории японцы похоронялись. Но сначала была война 1904-1905 годов. Затем в апреле 1918 года адмирал Като высадил во Владивостоке десант, и началась интервенция. Через год численность японских войск достигла 120 тысяч. Только в Амурской области за несколько месяцев интервенты вместе с белогвардейцами сожгли больше 25 сел.

Высадкой десанта 21 апреля 1920 года в Александровске началась пятилетняя оккупация Северного Сахалина. Первыми жертвами интервентов стали А.Т. Цапко и Т. Е. Чумаков. Подробности их гибели японцы не обнародовали до сих пор.

29 июля 1938 года начался конфликт у озера Хасан, где японцы перешли границу советского Приморья. Через год произошла необъявленная война на территории Монголии, длившаяся почти четыре месяца. В столкновениях с советскими войсками японцы потерпели поражение, но армию и флот империи слабой не считали. 7 декабря 1941 года японцы нанесли страшный удар по американской базе на Гавайских островах, а затем в течение года захватили всю Юго-Восточную Азию, включая Филиппины, Индонезию, Вьетнам, Сингапур, Таиланд, Бирму, часть Новой Гвинеи. Японский флот господствовал на просторах от Камчатки до Австралии. В январе 1945 года, когда американцы уже бомбили метрополию, японские сухопутные войска предприняли мощное наступление, образовав сплошной фронт от Пекина до границ Индии. Такие просторы могли покорить только солдат особой подготовки.

Факты это красноречиво подтверждают. Восьмидесяттысячный гарнизон острова Окинава, не имея авиации, оборонялся три месяца. Против его защитников была брошена армия в 450 тысяч человек, в операции участвовало 1 317 кораблей, 1 720 самолетов. И даже при таком превосходстве наступающая сторона потеряла 75 270 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 763 самолета было сбито, 34 корабля потоплено, 363 - повреждено. Американцы заняли Окинаву со смертью последних защитников острова.

Красная Армия, начав наступление тремя фронтами, разгромила миллионную Квантунскую группировку, укрытую в семнадцати мощных укрепленных районах, за десять дней. Победу обеспечили советское военное искусство, могучее оружие и моральное превосходство наших воинов. Вряд ли могло поднять дух японских солдат событие, описанное в книге Канэко Тосио «Лето Каракуто, 1945»: «18 августа войска (дислоцированные в Маока) были собраны у штаба, где в молчании было сожжено знамя подразделения. Знаменосец полка подпоручик Окуда писал: «В 11 часов утра в одном из помещений школы знамена были завернуты в белую ткань и принесены в храм. Пройдя стой в 200 человек, я бережно положил знамена, затем командир полка Ямадзава и заместитель начальника штаба Исикура подожгли знамена. За 30 минут знамена превратились в пепел. На лицах солдат блестели слезы».

В книге также приводятся факты гибели мирного японского населения от обстрелов. Иногда наши автоматчики открывали огонь по убегающим, видя на их одежде какие-то иероглифы. Откуда им было знать, что это знак принадлежности к фирме?

Во всякой войне жертвы среди мирного населения, особенно при штурме городов, неизбежны. Но нижеприведенный факт вызывает сильное сомнение: «Привели нас на пирс, где уже собрали 70-80 японцев, всех выстроили

Разведка боем у чужих берегов

в ряд и стали стрелять: два раза слева направо, один раз справа налево. Русские стреляли беспорядочно, поэтому погибло всего 5 человек. На выстрелы прибежал офицер и накричал на стрелявших.

Я зачитывал эти строки некоторым участникам десанта в Маока, когда они приезжали в Холмск на 50-летие освобождения. Они категорически отвергали подобные случаи. Не могли наши солдаты подвергнуть публичной казни ни гражданских, ни военных. До каждого десантника были доведены приказы командования о лояльном отношении как к мирному населению, так и к военнопленным. Нарушителям грозил суд. В городе Маока 20 августа, в день высадки десанта, по приговору военного трибунала был расстрелян красноармеец Егор Пахомов, 1913 года рождения, - за злоумышленный поджог японского дома по пьянке. Второго солдата расстреляли в Тойохаре 25 августа за мародерство - зашел в японское жилище и стал запихивать в вещмешок какое-то баращо.

Однако сдерживал наших солдат от гнусных поступков не страх перед трибуналом, а совестливость. Ну не способен был нормальный советский человек ради потехи расстрелять безоружных людей!

В маокской хронике тех дней есть строки, которые обжигают и сейчас. 20 августа преподаватель английского языка Камосида Ёсихара убил свою жену, троих детей, потом зарезал сам себя бритвой.

Его коллега, учитель физкультуры Хирено Футоси написал: «Младший лейтенант Эдамура, дабы наши семьи не достались советским солдатам, зарубил свою жену Ацуко (45 лет), дочь Сидзуко (18 лет), сыновей Минору (15 лет) и Ютака (12 лет); мою жену и сына, затем сделал себе харакири. Хорошо, что они не погибли от рук советских солдат». Это написано не по горячим следам, а спустя годы, когда Хирено Футоси уже жил в Японии и доподлинно знал, что советские солдаты не убили ни его, ни оставшихся двух сыновей, ни японских девушки.

Не менее ужасной была трагедия, произошедшая на городской телефонной станции. Едва телефонистки услышали орудийный гул и разрывы снарядов, как стали готовиться к самоубийству. По проводам понеслись их последние слова: «Господин начальник! Спасибо за вашу работу. До свидания». Начальник почтового отделения Уэда в сопровождении советского офицера к месту происшествия прибыл только 22 августа. Девять молодых телефонисток были мертвые. Старшая прожила 24 года, а самая юная - всего семнадцать.

Советский офицер попросил начальника заняться похоронами телефонисток. «Советские солдаты с уважением отнеслись к такому событию», - отмечается в воспоминаниях. По просьбе родственников останки телефонисток были кремированы, а прах передан в Японию. В Ваккане, на сопке, лежащей у моря, девушкам установили памятник, на котором начертано: «Все закончено. До свидания. До свидания».

★ ПЕРЕВАЛ ★

Нашим воинам-десантникам установлены памятники в Холмске, на станции Николайчик, названной в честь младшего сержанта, артиллериста, погибшего у «Чертова моста», на Холмском перевале и в Пятиречье.

Бои достигли своего пика на перевале 22 августа. Японские источники сообщают, что командир полка Ямадзава, предполагая возможность советского десанта, после сожжения знамен в городе не остался, а уехал в Осаку (Пятиречье), где его разбудил гром орудий 20 августа. Он не выехал к месту событий, чтобы принять какое-то принципиальное решение: либо сдать город без боя и не подвергать жителей смертельной опасности, либо организовать оборону и стоять так, как умеют стоять японцы. Хорошо, что оборона города оказалась слабой, иначе жертвы с той и с другой стороны увеличились бы многоократно.

Не видно было никакого смысла в сопротивлении японцев на перевале: Харамитогский укрепленный район южнее 50-й параллели капитулировал, войска 56-го стрелкового корпуса успешно продвигались на юг, нигде не встречая организованного сопротивления. Бой, что дали японцы на перевале, был последним. Но управлял этим боем не Ямадзава. 23 августа он сдал гарнизон Осаки, в составе которого имелась унтер-офицерская школа, без сопротивления.

Для выполнения задачи по взятию Маока подполковник Тетюшкин назначается заместителем командира десанта, высаживается с первым броском и непосредственно руководит боевыми действиями в городе, затем возглавляет подвижную группу в составе 1-го отдельного стрелкового батальона, отдельного батальона автоматчиков, отдельного противотанкового дивизиона и с ней штурмует Камышовый перевал. Пренебрегая опасностью, Тетюшкин со своим

**Дмитрий Дьяченко
и Владислав Чапланов у памятника
возле Пятиреченской школы.
3.09.1998 г.**

ординарцем Якимчуком появляется в разных подразделениях, наступающих на японские позиции, оказывает практическую помощь офицерам, ставит конкретные задачи, вселяет уверенность в успехе, подбадривает бойцов. Пулеметчик Василий Сипликий в своих письмах передавал общее настроение: «Всех зажигал своей смелостью подполковник Тетюшкин, который находился на передовой и непосредственно руководил боем. Это заметили японцы. Одна из групп находилась в ложбине, мы ее видели, но пулеметами достать не могли - пули шли выше. Тогда ефрейтор Борис Кекелев крикнул: «Тетюшкин в опасности!» Не раздумывая, он бросился вниз, расстреливая японцев в упор, но и сам был смертельно ранен».

Да, подполковник Тетюшкин вел себя решительно и смело в минуту опасности. Когда перед ним выросли три японца со штыками наперевес, он двоих расстрелял из пистолета, третьего ординарец уничтожил короткой автоматной очередью. Он организовал штурм Камышового перевала, затем взял с собой два взвода автоматчиков, орудийный расчет и на студебекерах помчался на Рудаку (Анива), пленил гарнизон, затем совершил бросок на Отомари (Корсаков).

Сахалинский поэт Александр Мандрик, служивший в 113-й бригаде, выразил солдатское мнение в одном из

Высадка одного из подразделений 113-й отдельной мотострелковой бригады

писем холмским школьникам: «Наш командир бригады особого интереса не представлял, а вот о его заместителе по строевой части ходили такие легенды, что мы считали: дадут Тетюшкину героя!» (За операцию по взятию Маока его наградили орденом Отечественной войны I степени).

К 12 часам дня 22 августа Тетюшкину доложили о том, что подразделения заняли исходные рубежи и готовы к боевым действиям. Подполковник приказал дать сигнал. Взвились две ракеты, и атака началась. Она совсем не походила на те картины, что показывают в кино: продвижению мешали густые еловые заросли, сплошная щетина низкорослого бамбука. Солдаты голосом поддерживали друг друга, обрушивали автоматные очереди на подозрительные места.

Канэко Тосио, «Лето Карапуто, 1945»: «Батарея лейтенанта Кунасима, получив боеприпасы, начала обстрел противника. Но к этому времени противник уже подступил к позиции отряда Кусано и начал забрасывать траншеи гранатами. Сам Кусано был ранен в живот и умер. Наход-

ящийся рядом Нарита снял с командира саблю и ордена и с пятью солдатами оставил позицию».

Автоматчики майора П. Золотоволосова продвигались, маскируясь и делая перебежки. При сближении пошли в ход гранаты. На глазах у командира батальона рядовой Зайцев противотанковой гранатой уничтожил вражеский пулеметный расчет. Выход во фланг обороняющимся японцам ставил их в затруднительное положение, вынуждая рассеивать силы.

По мере продвижения к перевалу бой становился все более ожесточенным. Приходилось залегать, поджидать минометы и орудия. В такой обстановке Тетюшкин приказал выдвинуть орудия в боевые порядки пехоты, чтобы подавлять огневые точки противника прямой наводкой. Особенно отличилось 4-е орудие старшего сержанта Николая Матвеева, где наводчиком был младший сержант Евгений Чапланов. Вот фрагмент из его наградного листа: «Когда орудийный расчет был перебит, стойкий коммунист сам подносил снаряды и вел огонь по врагу. Крупнокалиберным пулеметом ему перебило ногу, но после этого тов. Чапланов произвел восемь выстрелов, заклинил амбразуру дзота, дал возможность первой роте овладеть высотой 319, но сам геройски погиб, повиснув на лафете».

Младший сержант Е. Чапланов был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, но только в 1965 году его удостоили ордена Отечественной войны I степени.

По справедливости в нашей памяти остались те, кто не вышел из боя. Сведения о них собраны скучные, но в душу западает одно очень важное их качество - человечность. О капитане Г. Шаламове, возглавившем разведгруппу, писал овдовевший Клавдий Алексеевне адъютант: «Он всегда мне рассказывал про свою семью, про дочь, как он уезжал, а она дала ему маленькую подушечку. Был т. Шаламов человек хороший. Ни одного слова я от него не слыхал плохого».

Ефрейтор Виктор Лазутин заслонил от вражеской пули замполита 1-го батальона М. Кайгородова, повинувшись не только уставному требованию. Он уберег отца двух малышек, которых сам не раз брал не руки.

Только когда к майору Панасекину привнесли на плащпалатке бездыханное тело старшего лейтенанта Кривошеева, павшего в атаке, он подумал, что погибший не был женат из-за какой-то несчастной любви, что на его изждивении была старенькая мама да сестра с детьми, осиротевшими за войну.

Ефрейтора Андрея Любомского, рослого красавца из Николаевска-на-Амуре, товарищи любили за веселый компанейский характер.

Артиллерист Володя Аистов из Куйбышевской области обладал богатырской силой и при рытье окопов и подноске снарядов самую тяжелую ношу брал шутя на свои плечи.

Видно, хорошим парнем был Коля Соснин, если девушка в родном селе ждала два года, а замуж вышла лишь через несколько лет после его гибели.

В списке погибших и рядовой Михаил Егоров. Сотни тысяч Егоровых погибли за войну, не меньше звались Михаилами, а он у матери был один. Из школы за хорошую учебу принес книжку. За ударный труд колхоз выдал премию - поросенка. Выкормили, закололи, сами подкрепились и спрели Мише пальто из бобрика. И сын его поносил, и братишка двоюродный, и племянник три зимы ходил в нем в школу.

Большинству из погибших на перевале было по 19 лет.

Канэко Тосио, «Лето Карапуто, 1945»:

«Рассказ бойца 4-й роты Танито: «Раздевшись до пояса, я рыл окоп. Звучали выстрелы. Вынув фотографию детей, я написал на обороте: «22.08. Бои в Маока, может погибнуть». После обеда послышались крики «ура», русские перешли в атаку. Я надел китель и стал стрелять. Последовал приказ: «Приготовиться к контратаке!» Схватив винтовку, я с громким криком выпрыгнул из окопа, но поскольку знался и скатился в низину, где запутался в стеблях лимонника. Сверху звучала стрельба».

Мы долго бродим по местам последнего боя, слушаем воспоминания Дмитрия Лаврентьевича. Глядя на спокойную дрему сопок, я задаю «привокационный» вопрос:

- Через день - другой японцы все равно бы сдались. Чего было лезть на рожон?

- Да что вы говорите! - возбуждается старый солдат.

- Во-первых, бригада получила приказ: взять город, пройти, громя противника, форсированным маршем до Отомари. Как же мы могли сидеть у перевала и ждать, пока японец придет с поклоном? Нет, мы рвались в бой. Бой - это не только экзамен для каждого из нас, проверка на пригодность - воин ты или тряпка, о которую противник будет вытирать ноги. Когда раздается команда «Орудия к бою!», то наступает тот момент, ради которого конструкторы изобретали оружие, сотни рабочих изготавливали его, полководцы разрабатывали планы, командиры долго и настойчиво учили, политработники читали лекции о воинском долге, народ одевал и кормил. Все теперь сфокусировано в прицельной рамке орудия. И уже никто не думает ни об опасности, ни о смерти. Идет бой, пушка подпрыгивает, латунная гильза вылетает со звоном, вражеские пули бьют по щиту, кровь кипит. Нет, не те ребята были, чтобы отсидеться в окопе или спрятаться за чужую спину...

Через год Дмитрий Лаврентьевич уехал на материк. Владислав Анатольевич создал в селе небольшой музей, где бережно хранятся материалы о героях боев за перевал, земляках-фронтовиках, тружениках тыла.

К сожалению, теперь уже Владислава Анатольевича Чапланова нет в живых...

Константин ГАПОНЕНКО.